

СТРУКТУРНЫЕ ИЛИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ СДВИГИ?¹

А.В. Верников

На примере банковской сферы в статье делается попытка измерить и сопоставить структурные сдвиги и институциональные изменения за новейший период экономической истории России (1991–2016 гг.). Предложенный автором набор показателей характеризует состав популяции банков с выделением государственных и частных организаций и объем находящихся под их контролем финансовых ресурсов. Далее идут показатели, призванные охарактеризовать режим и направленность функционирования банковского сектора по тем или иным правилам. Делается попытка квантифицировать выполнение банками ключевых функций по отношению к реальному сектору, место банковской деятельности в экономике страны и ее вклад в общественное благосостояние. В начале периода наблюдений разрушались доставшаяся от предыдущей эпохи кредитная система и механизмы координации между «реальным» и «денежным» секторами экономики. После кризиса 1998 г. вектор эволюции изменился в сторону государственного участия в кредитных учреждениях и централизованного размещения кредитных ресурсов. В целом банки стали больше заниматься своим непосредственным делом, а именно кредитованием реального сектора. Показатели государственных банков улучшаются, тогда как

© Верников А.В., 2018 г.

Верников Андрей Владимирович, Институт экономики РАН, Москва, vernikov@inecon.ru

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания по теме «Феномен мезоуровня в экономическом анализе: новые теории и их практическое применение».

Автор благодарен А.А. Рубинштейну за помощь в статистической обработке данных, а также С.А. Андрюшину, И.Н. Викторову, С.Г. Кирдиной и Д.В. Тулину за критические замечания.

прибыльность частного банковского капитала падает. Структурные сдвиги пока не привели к кардинальному изменению типа функционирования банковского сектора, что оценивается методом распознавания образа. Квазирыночная среда, которая успела сформироваться за последние 25–30 лет, сохранилась. Основная часть операций государственного банка совершается по решению его менеджеров, а не правительства и направлена на извлечение прибыли. Новизна данного текста в том, что на примере конкретной экономической сферы подобраны статистические показатели для квантификации институциональной динамики, причем предлагается отличать показатели институциональных изменений от показателей, характеризующих структуру банковского сектора.

Ключевые слова: институциональные изменения, структурные изменения, эволюционный анализ, мезоэкономика, банки, Россия, государство.

JEL: B25, G21, G28, H82, P20, P34, P52.

ВВЕДЕНИЕ

В начале 1990-х гг. в кредитной сфере России, как и во всех остальных областях экономики, происходили тектонические сдвиги: распад государственных специализированных банков и системы централизованного кредитования, быстрый рост частного сектора, появление иностранных банковских учреждений. Вектор законодательства и неформальных правил поведения был направлен в сторону либеральной рыночной экономики, подвижной частным интересом. На рубеже нового тысячелетия направление институциональной динамики России в банковской сфере отклонилось от траектории, характерной для остальных переходных экономик Европы: вместо расчленения оставшихся государственных банков и передачи их иностранцам Россия усилила роль государства в банковском секторе. Параллельно происходили «закат» частного финансового посредничества и выход некоторых иностранных банков с российского рынка.

Ортодоксальная экономическая теория вынуждена объяснять повороты в экономиче-

ской истории России лишь сочетанием случайных событий (войны, финансовые кризисы) и субъективных факторов (личность правителя, материальные интересы его ближайшего окружения). Авторская же интерпретация истории банковского дела в России сводится к волнообразной динамике соотношения между институтами различного типа – институтами централизованной перераспределительной экономики и институтами рыночной экономики и самоорганизации. Относительно короткий период наблюдений (1991–2016 гг.) ограничивает возможность выявить долгосрочные циклы и сравнить их характеристики, однако после отработки подхода и подбора нужных метрик на следующем этапе можно будет привлечь дополнительный исторический материал.

Основной элемент новизны данного исследования в том, что предлагается отличать показатели институциональных изменений от показателей, характеризующих структуру банковского сектора, и изучать их динамику в сравнении. В литературе же анализ институциональной структуры и динамики часто строится на структурных по сути показателях – числе учреждений того или иного типа и их удельного веса. Но институт – это не только и не столько учреждение, а «созданные человеком ограничительные рамки» (Норт, 1997). Это правила поведения и закономерности, принимаемые субъектами микроуровня и заставляющие их действовать определенным образом. Институциональная динамика отражает изменение этих правил во времени, а их изучение можно отнести к мезоэкономике, т.е. промежуточному уровню анализа между микро- и макроуровнем (Dopfer, 2012).

1. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОНТЕКСТ И МЕТОДОЛОГИЯ

С точки зрения эволюционной экономики кредит играет важную роль в развитии и смене макроэкономических подсистем (ма-

крогенераций): банки предоставляют кредиты новой макрогенерации, давая ей шансы встать на ноги и развиваться (Маевский, 1997, с. 57–60). Отсюда вытекает гипотеза о цикличности в развитии кредитования, причем она может быть коррелирована и с обычным деловым циклом, и со сменой макрогенераций, или технологических укладов.

Уже с XVIII в. в развитии системы организованного кредита в России можно усмотреть некоторую цикличность. Соотношение между государственным, общественным и частным секторами постоянно находится в движении; роль государственных кредитных учреждений то растет, то снижается (Ананьич, 2006; Бовыкин, Петров, 1994; Бугров, 2003; Гиндин, 1948; Саломатина, 2004). Главным фактором этих структурных сдвигов становится *политика властей*, в которой в разные периоды доминирует либерально-реформаторское либо государственническое начало (Андрюшин, 1998). Эта политика, в свою очередь, зависит как от объективных условий (экономическое положение страны, международная обстановка), так и от субъективных причин (личность правителя).

Возможно, существует взаимосвязь между изменениями структурной политики в отношении банков и долгосрочными экономическими циклами – например, кондратьевскими (Уразова, 2015а, 2015б). В годы повышательной волны долгосрочного (Кондратьевского) цикла происходят банковские реформы и другие существенные изменения, активизирующие частную инициативу в банковской сфере и ведущие к созданию новых банков и иных кредитных учреждений различного типа. В период же понижительной волны долгосрочного цикла возрастает влияние государственных органов в банковской сфере, сокращается число негосударственных банков и одновременно возрастает роль государственных банков в экономике. В течение нашего периода наблюдений (1991–2016), по мнению С.А. Уразовой, произошла смена повышательной волны и банковских реформ рыночной направленности (с 1984–1991 до 2005–2008 гг.) на понижительную волну, ха-

рактизирующуюся распределительными отношениями (Уразова, 2015б).

Ключ к пониманию объективных причин поворотов в институциональной динамике предлагает относящаяся к гетеродоксальной экономике *теория институциональных матриц* (ТИМ) (Кирдина, 2014). ТИМ допускает изменение соотношения между доминантными и дополняющими институтами, свойственными каждому из двух основных типов экономики, – X и Y^2 .

Ввиду ключевой роли, которую играют в матрице X институты государственной собственности и централизованного перераспределения ресурсов, к нашей теме имеет отношение литература по политической экономике банковского дела и государственной собственности на банки. Теоретики *экономики развития* (А. Гершенкрон, Р. Пребиш) видели смысл в участии государства в кредитной системе, особенно в слаборазвитых странах, для преодоления слабости частного сектора, отсутствия капитала и финансового рынка. Существует концепция «государства, способствующего развитию» – the developmental state, опирающаяся на опыт стран Восточной и Юго-Восточной Азии (Woo-Cumings, 1999). Согласно *теории опекаемых благ* (Рубинштейн, 2009) к опекаемым благам государство может время от времени относить результаты отдельных видов экономической деятельности, в том числе и банковской, если по каким-то причинам считает их особо важными для общества. У государства есть не делегируемые другим субъектам функции, в частности обеспечение эволюционного и прогрессивного развития страны (Клейнер и др., 2004).

Оппоненты парадигмы развития усматривают в деятельности государственных банков прежде всего политические мотивы, когда

политики или действующее правительство используют государственные банки в своих интересах для достижения целей, не имеющих прямого отношения к развитию (Sapienza, 2004; Dinç, 2005; Carvalho, 2014). Еще в царское время значительная часть деятельности кредитных учреждений была направлена на кредитование дворянства под залог их недвижимости, т.е. на поддержку «классово близких» лиц. В 1990-е гг. политические связи повлияли на становление банков в России, а обладающие такими связями банки продолжали финансирование неплатежеспособных «старых» предприятий в целях сохранения занятости вместо поддержки ростков «новой экономики» (Berkowitz et al., 2015). Из одного источника в другой кочует тезис о негативных эффектах государственной собственности на банки для финансового развития и экономического роста и о хронической неэффективности банков с участием государства (La Porta et al., 2002). Заметим, что эмпирические работы на российском материале не выявляют устойчивого отставания государственных банков от частных по эффективности (Karas et al., 2010; Верников, Мамонов, 2015).

Проведение в жизнь определенной стратегии институциональной реформы, т.е. планируемой траектории изменения институтов во времени (Полтерович, 2006), позволяет измерить прогресс продвижения в избранном направлении. Поскольку институты напрямую не наблюдаются, то их состояние и динамику приходится оценивать с помощью экспертных оценок. Индивидуальные оценки подвергаются агрегированию для получения индексов типа «верховенства закона», «качества государственного/общественного управления», «простоты ведения бизнеса», «институционального климата» и т.д. (Фрейнкман и др., 2009; Баранов и др., 2105).

Есть интересный пример измерения институциональных изменений в области российского законодательства федерального уровня с помощью статистики этого законодательства (Кирдина и др., 2010).

Чем более конкретный институт измеряется и чем более объективна оценка, тем луч-

² Институциональная матрица X исторически доминирует в большинстве стран мира, включая Россию, а матрица Y – в ограниченном круге стран Запада. Такое положение инвариантно, и в этом ТИМ вторит теории зависимости от предшествующего развития (path dependence).

ше (Voigt, 2013). Предпочтительно опираться на статистические данные и другие виды объективных измерений, хотя в отрыве от качественных методов и они могут дать недостоверные результаты (Buchanan et al., 2014).

Меня интересуют экономические институты, регулирующие отношения собственности и распределение ресурсов, с точки зрения относительной силы этих институтов. Сила («мощность») экономического института определяется числом действующих в данной стране по его правилам экономических субъектов (например, работников или организаций) и объемом подпадающих под эти правила используемых ресурсов, прежде всего земельных, материальных и финансовых (Кирдина, 2013).

Если принять в качестве идентифицирующего критерия форму собственности, то приходится допустить, что все относящиеся к ней экономические субъекты действуют согласно специфическому набору правил. Раз коренным институтом экономики *X*-типа является государственная собственность, то поле действия экономических институтов *X*-типа можно считать равным доле государственных банков в совокупных активах (или кредитах) банковского сектора (Верников, Кирдина, 2010). Аргументом в пользу такого допущения служит многократно исследованная и доказанная в эмпирической литературе специфика государственных банков – например, контрциклический характер их кредитов, когда в период кризиса государственные банки сокращают кредитование экономики в меньшей степени в сравнении с банками другой формы собственности (Bertay et al., 2015; Coleman, Feler, 2014; Fungáčová et al., 2013). Соответственно, мы должны предположить, что и частные банки действуют по особым правилам, поскольку они представляют альтернативную форму собственности, являющуюся комплементарной в рамках *X*-экономики.

Аппроксимация институциональной динамики через показатели структур, коррелированных с тем или иным институтом, является простой, однако лежащее в основе этого метода допущение вызывает вопросы. В самом

деле подчинена ли государству деятельность подконтрольных государству банков? Поле действия определенного правила или закономерности в действительности бывает как больше, так и меньше доли субъектов соответствующей формы собственности, потому что структурные и институциональные сдвиги не обязательно происходят синхронно. Важна институциональная среда, в которой действует банк, поэтому одномоментное изменение его статуса – ни приватизация, ни национализация – не может с такой же скоростью изменить режим его функционирования.

В постсоциалистических странах неприватизированные банки какое-то время пытались выживать в чуждой для них среде после исчезновения привычных механизмов контроля и координации, когда влияние макроэкономических воздействий на них резко ослабело (Клейнер, 2002). В России в начале 1990-х гг. многие крупные банки и компании, оставаясь номинально государственными, выпали из контура государственного управления и работали в интересах инсайдеров либо сторонних лиц, а государство как собственник не могло опереться в своей политике на эти активы. Одновременно частные банки многих развивающихся и переходных стран участвуют в обслуживании государственных компаний и органов власти и финансировании правительственных проектов и программ, относимых в литературе к категории «директивного» или «политически мотивированного» кредитования. Таким образом, форма собственности сама по себе не определяет институциональной среды.

2. ИЗМЕРЕНИЕ

2.1. Показатели

Предшествующие исследования, посвященные эволюции банковского дела в России, оперировали такими показателями, как размер ссуды, ставка ссудного процента, срок кредита, число кредитных учреждений того или иного

типа, приходящаяся на них доля совокупного кредита вместе с процентными платежами («доля рынка»). Под институциональной структурой банковского сектора некоторые российские исследователи (Крылова, Крылов, 2014; Уразова, 21056) вслед за Банком России (Отчет..., 2017) понимают его количественные параметры (число банков и их структурных подразделений), размещение банковских учреждений по регионам страны, уровень концентрации в отдельных сегментах банковского рынка.

Предлагаются показатели с прозрачной методикой расчета на основе данных статистики или напрямую доступных из открытых статистических публикаций, причем предпочтение отдано относительным и натуральным показателям, чтобы нейтрализовать эффект инфляции и колебаний обменного курса рубля. Выделены показатели, характеризующие структуру банковского сектора; показатели, отражающие режим и направленность его функционирования; контрольные показатели (табл. 1).

Структурные показатели отражают состав популяции банков с выделением государственных и частных организаций, а также объема финансовых ресурсов, находящихся под контролем каждой этой категории.

NUM. Число банков влияет как на характер деятельности банков и конкуренции между ними, так и на способность регулятора корректировать эту деятельность и направлять ее в определенное русло. Создание новых учреждений учитывается при исследовании институциональной среды.

NUMSOB. Банки, контролируемые государством, составляют подвыборку из общей совокупности банков (NUM). Сюда отнесены банки, более половины капитала которых принадлежит федеральным органам исполнительной власти, региональным и муниципальным органам власти, государственным корпорациям, государственным банкам и промышленным компаниям³.

³ О выборке государственных банков см. подробнее: (Верников, 2009; Vernikov, 2015).

SOBAS (доля государственных банков в активах) – ключевой показатель, характеризующий структуру банковского сектора с точки зрения доли ресурсов, которой распоряжаются государственные банки. SOBLOAN и SOBDEPO – то же по кредитам и депозитам физических лиц соответственно.

CORESOBAS, CORESOBLOAN и SBER описывают ядро государственного сектора, т.е. три ключевые банка (Сбербанк России, ВТБ и Россельхозбанк без дочерних учреждений).

Доля государственных банков в активах (SOBAS) неуклонно росла с 2000 г. и превысила 60% в значительной мере благодаря трем «национальным чемпионам» (Vernikov, 2015). На кредитном рынке доля государственных банков (SOBLOAN) вместе с кредитным портфелем Внешэкономбанка⁴ приблизилась к 70%.

Далее идут показатели, призванные охарактеризовать режим и направленность функционирования банковского сектора по тем или иным правилам, в отличие от показателей структуры. Я пытаюсь квантифицировать их через выполнение банками ключевых функций по отношению к реальному сектору, место банковской деятельности в экономике страны и ее вклад в общественное благосостояние⁵. Такой подход созвучен предложенному Рональдом Коузом способу сравнения институтов через изменение общественного благосостояния по отношению к транзакционным издержкам.

LDR (отношение кредитов к депозитам) показывает функциональную адекватность банковской системы, критерий чего – способность трансформировать сбережения домаш-

⁴ У государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности» нет банковской лицензии, однако по своей направленности деятельность Внешэкономбанка в области проектного и корпоративного финансирования аналогична деятельности ключевых государственных банков.

⁵ Оценка мезоэкономической эффективности, как и любой хозяйственной системы, требует соизмерения затрат, результатов и целей (Клейнер, 2002).

Таблица 1

Метрики для измерения структурных и институциональных сдвигов

Обозначение	Название показателя	Формула расчета*	Источник данных
<i>Показатели, характеризующие структурные сдвиги</i>			
NUM	Число действующих банков	Число действующих кредитных организаций – Число небанковских кредитных организаций	Банк России
NUMSOB	Число банков, контролируемых государством	Число банков, более половины капитала которых принадлежит государству, включая Банк России, государственные корпорации и государственные компании	Информация банков; Интернет; мотивированное суждение автора
SOB	Доля банков, контролируемых государством, в общем числе действующих банков	Число подконтрольных государству банков / Число действующих банков	
SOBAS	Доля банков, контролируемых государством, в совокупных активах банковской системы	Активы банков, контролируемых государством / Совокупные активы банковской системы	Рассчитывается по данным банков и Банка России
CORESObAS	Доля ключевых государственных банков в совокупных активах банковской системы	Активы ключевых государственных банков / совокупные активы банковской системы	Рассчитывается по данным банков
SOBLOAN	Доля банков, контролируемых государством, в общем объеме кредитов нефинансовым организациям	Кредиты нефинансовым организациям, выданные банками, контролируемые государством / Кредиты нефинансовым организациям, выданные всеми российскими банками	Банк России
CORESObLOAN	Доля ключевых государственных банков в общем объеме кредитов нефинансовым организациям	Кредиты нефинансовым организациям, выданные ключевыми государственными банками / Кредиты нефинансовым организациям, выданные всеми российскими банками	Рассчитывается по данным банков
SOBDEPO	Доля банков, контролируемых государством, в объеме вкладов физических лиц	Вклады физических лиц, привлеченные банками, контролируемые государством / Банковские вклады физических лиц	Банк России
SBER	Доля ключевого государственного банка в общем объеме вкладов физических лиц	Вклады физических лиц, привлеченные ключевыми государственными банками / Банковские вклады физических лиц	Рассчитывается по данным банков
<i>Показатели, характеризующие режим и направленность функционирования банковского сектора</i>			
LDR	Отношение кредитов к депозитам	Кредиты нефинансовым предприятиям и физическим лицам / Средства, привлеченные от организаций и физических лиц	Рассчитывается по данным Банка России
LTA	Склонность банков к кредитованию экономики	Кредиты нефинансовым организациям / Активы	Рассчитывается по данным Банка России
LONGTERM	Склонность банков к долгосрочному (инвестиционному) кредитованию	Кредиты нефинансовым организациям на срок свыше 3 лет / Кредиты нефинансовым организациям	Рассчитывается по данным банков; Банк России
ROE	Рентабельность капитала банков	Финансовый результат за период / Средняя величина собственных средств (капитала)	Банк России; Росстат
ROENOSBER	Рентабельность капитала банков (без Сбербанка)	Финансовый результат за период / Средняя величина собственных средств (капитала)	Рассчитывается по данным Банка России
ROESBER	Рентабельность капитала Сбербанка	Финансовый результат за период / Средняя величина собственных средств (капитала)	Сбербанк; Банк России

Обозначение	Название показателя	Формула расчета*	Источник данных
LTINV	Доля банковских кредитов в общем объеме инвестиций нефинансового сектора экономики в основной капитал	Кредиты банков, поступившие для инвестирования в основной капитал – Кредиты иностранных банков, поступившие для инвестирования в основной капитал / Инвестиции нефинансовых организаций в основной капитал, за период	Рассчитывается по данным Росстата
PROFIT	Доля банковской прибыли в общем объеме прибыли, полученной предприятиями страны	Финансовый результат банков / Финансовый результат всех экономических субъектов, за период	Росстат
PROFITNOSBER	Доля банковской прибыли без Сбербанка в общем объеме прибыли, полученной предприятиями страны	Финансовый результат банков без Сбербанка / Финансовый результат всех экономических субъектов, за период	Росстат, Сбербанк
ROAGAP	Рентабельность активов банков по сравнению с нефинансовыми предприятиями	Средняя рентабельность активов предприятий всех отраслей экономики России за период – Средняя рентабельность активов банков, за период	Росстат; Банк России
WAGE	Завышение заработных плат в банковском секторе	Средняя заработная плата в финансово-банковском секторе / Средняя зарплата в экономике за период	Росстат
<i>Контрольные показатели</i>			
GDP	ВВП	Индекс реального ВВП	Росстат

* Если не указано иное, показатель рассчитывается на определенную дату.

них хозяйств в инвестиции реального сектора (Крылова, 2011).

LTA помогает оценить приверженность банков кредитованию нефинансового сектора экономики. Преобладание некредитных активов в общей структуре может свидетельствовать о паразитизме банков или, как минимум, нецелевом характере их деятельности. Так, непосредственно перед кризисом 1998 г. на кредиты нефинансовым предприятиям приходилась меньшая часть активов коммерческих банков, чем на ценные бумаги, – 28,5 и 32,1% соответственно⁶. Я сознательно выделяю «кредитование нефинансовых предприятий», а не «кредиты всего», которые включают также кредиты финансовым учреждениям, государственным органам и населению. Й. Шум-

петер (1982) указывал на различие между «первичной волной» кредитов, поступающих нефинансовому сектору экономики и участвующих в финансировании инноваций, и «вторичной волной», которая финансирует уже рост потребления, чрезмерное инвестирование и спекуляции. Игнорирование этого различия может привести к парадоксальным эмпирическим результатам – например, отрицательной корреляции между кредитованием и экономическим ростом. Если же разделить потоки банковских кредитов в зависимости от их предназначения, как бы трудно ни было это сделать, то многое встает на свои места (Bezemer, 2014). Имеет значение и то, с помощью каких инструментов банки предоставляют свои ресурсы нефинансовым компаниям: через кредиты, являющиеся результатом двусторонних связей между заемщиком и кредитором, или через покупку рыночных инструментов типа акций (Hardie, Howarth, 2013).

⁶ Обзор банковского сектора Российской Федерации (интернет-версия) // Банк России. 2002. № 1. С. 10. Табл. 9.

Уже в конце XIX в. российские специалисты противопоставляли спекулятивные биржевые операции банков «правильным», которые предоставляют оборотные и основные средства промышленности (Саломатина, 2004).

LONGTERM. Я предполагаю, что долгосрочные (на срок свыше трех лет) банковские кредиты выдаются нефинансовым предприятиям в основном на цели инвестиций, а не для пополнения оборотных средств, проведения торговых сделок и т.д., хотя их фактическое предназначение может быть различным, но это не отражается в банковской статистике. Проектное финансирование в области недвижимости и девелопмента и продление безнадежных кредитов нередко маскируется под корпоративное кредитование (через подставные юридические лица) для обхода пруденциальных нормативов (Тулин, 2006). Склонность российских банков заниматься долгосрочным кредитованием зависит от формы собственности, вопреки мнению Л. Черных и А. Феодосию (Chernykh, Theodossiou, 2011): негосударственные банки заметно уступают здесь государственным (Верников, Мамонов, 2016). Развитие частного банковского дела при прочих равных условиях может быть в большей мере направлено на извлечение прибыли из краткосрочного кредитования (на пополнение оборотных средств и т.д.), операций на финансовом рынке и других видов деятельности, не связанных прямо с инвестициями в промышленные активы. Усиление же позиций государственных банков ассоциируется с централизацией кредитного процесса и использованием государственных банков в реализации промышленной (структурной) политики (Vanteeva, Hickson, 2015).

ROE отражает рентабельность банковского бизнеса. В период финансовализации экономики можно ожидать роста ROE. В последние годы основная масса прибыли банковского сектора была заработана Сбербанком и другими крупными государственными банками, тогда как многие частные банки являются убыточными или балансируют на грани рентабельности, поэтому вводятся два

уточняющих показателя – рентабельность капитала банков без Сбербанка (ROENOSBER) и рентабельность капитала самого Сбербанка (ROESBER).

LTINV отражает роль банков в финансировании инвестиций в основной капитал. В России кредиты национальных банков – основная часть внешних источников инвестиций, особенно в современных внешнеполитических условиях.

PROFIT (доля банковской прибыли в общем объеме прибыли, полученной экономическими субъектами страны). Отдельно рассчитывается то же – без учета Сбербанка (PROFITNOSBER). Полагаю, что в период расцвета частной банковской деятельности банки присваивают себе растущий кусок общественного пирога.

ROAGAP сравнивает доходность банковских активов с нефинансовыми предприятиями, причем первая из этих величин по статистике меньше второй вследствие специфической отраслевой структуры российской экономики (высокий удельный вес ресурсных отраслей). В период либерализации и финансовализации можно ожидать, что отставание банков будет сокращаться, а в остальные периоды – увеличиваться.

WAGE показывает превышение заработных плат в банковском секторе⁷ над средними заработными платами в экономике (включая отрасли с несравненно более тяжелыми и непривлекательными условиями труда). Дело не в номинальных значениях средних заработных плат или их соотношении в статике, а в их относительной динамике. В период укрепления положения банков относительно других экономических агентов коэффициент завышения заработных плат в финансовом секторе должен возрастать.

Согласно методу *распознавания образа* обнаружение определенного сочетания

⁷ Росстат публикует заработные платы занятых «финансовой деятельностью», но поскольку банки составляют свыше 90% всего финансового посредничества в России, то такая аппроксимация допустима.

специфических признаков позволит судить о том или ином качественном состоянии системы. Исходя из постулатов ТИМ (Кирдина, 2014), я предполагаю, что в экономике перераспределительного типа банковскому сектору присущи следующие черты:

- существенный удельный вес банков, контролируемых государственным капиталом;
- ограниченное число действующих банков и высокие барьеры входа на рынок;
- преобладание в структуре банковских балансов кредитных активов, в том числе долгосрочных кредитов реальному сектору экономики;
- участие крупных банков в реализации национальных программ и проектов, в том числе инвестиций в модернизацию основного капитала;
- умеренная (в номинальном выражении и относительно других отраслей экономики) прибыльность банковской деятельности;
- адекватность банковского сектора масштабам, состоянию и потребностям экономики.

2.2. Данные

Период наблюдений. Временные рамки охватывают лишь ограниченный период истории банковского дела в России (1991–2016 гг.). До 1991 г. Россия не существовала как независимое государство, однако разгосударствление кредитной системы началось еще при СССР: в 1988 г. был принят Закон «О кооперации», легализовавший кооперативные (а по сути, частные) банки.

Значения финансовых показателей российских коммерческих банков взяты из банковской статистики и финансовой отчетности, раскрываемой через страницу Банка России в сети Интернет (www.cbr.ru), а также с сайтов рейтинговых агентств РИА «Рейтинг» и «Эксперт РА». По сравнению с другими отраслями банковская статистика более подробная, стандартная и доступная, что позволяет построить временные ряды. Макроэкономические по-

казатели (индекс реального ВВП, структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования⁸, прибыль, рентабельность, заработная плата) взяты из публикаций Росстата.

Сведения о государственном участии в капитале банков удалось собрать лишь за период с 1999 г. Показатели подконтрольных государству банков входят в расчет агрегатов в полном объеме без взвешивания на долю государственного участия.

Описательная статистика показателей приведена в табл. 2, значения коэффициентов корреляции Пирсона (r) между показателями – в табл. 3. Всего удалось получить 408 наблюдений. Часть временных рядов начинается после 1998 г., а за весь период наблюдений (1991–2016 гг.) имеются данные лишь по трем показателям, поэтому статистического материала для регрессионного анализа недостаточно.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ

Динамика нормализованных значений всех предлагаемых показателей приведена на рис. 1 и 2. Период наблюдений распадается на два: с 1991 по 1998 г. и с 1999 по 2016 г. Основная масса показателей, отражающих состав участников банковского сектора и долю проходящих через них ресурсов, изменила направление своей динамики в 1999–2000 гг. (см. рис. 1). Особняком стоит показатель численности банков: размер банковской популяции достиг пика еще в 1994 г. и с тех пор сократился более чем вчетверо. Численность государственных банков имела два локальных пика – в 1999 и 2009 г., т.е. непосредственно после кризисов, когда государству приходилось заниматься «провалами рынка» и национализировать неплатежеспособные частные

⁸ Структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования. Росстат.

Таблица 2
Описательная статистика показателей

Обозначение	Период	Наблюдение	Мин.	Макс.	Медиана	Станд. откл.
NUM	1991–2016	26	575	2517	1205	493
NUMSOB	1999–2016	18	35	57	43	5,99
SOB	1999–2016	18	0,026	0,070	0,043	0,012
SOBAS	1999–2016	18	0,362	0,629	0,487	0,094
CORESObAS	1999–2016	18	0,295	0,447	0,348	0,051
SOBLOAN	2002–2016	15	0,382	0,674	0,495	0,092
CORESObLOAN	2003–2016	14	0,341	0,522	0,469	0,048
SOBDEPO	2002–2016	15	0,567	0,721	0,590	0,047
SBER	1997–2016	20	0,450	0,765	0,526	0,116
LDR	1999–2016	18	0,662	1,120	0,922	0,106
LTA	1994–2016	23	0,306	0,463	0,399	0,046
LONGTERM	1998–2016	19	0,068	0,459	0,209	0,134
ROE	1998–2016	19	–0,286	0,263	0,152	0,125
ROENOSBER	1998–2016	19	–0,429	0,241	0,122	0,160
ROESBER	1997–2016	20	0,032	0,353	0,216	0,093
LTINV	1998–2016	19	0,023	0,089	0,068	0,019
PROFIT	1998–2016	19	0,000	0,152	0,089	0,043
PROFITNOSBER	1998–2016	19	0,000	0,097	0,065	0,032
ROAGAP	1998–2016	19	0,016	0,090	0,044	0,019
WAGE	1991–2016	26	1,63	3,04	2,29	0,342
GDP	1991–2016	26	0,580	1,194	0,887	0,220

банки. С 2009 г. государственных банков становится все меньше, однако их доля в общей численности (SOB) может расти, так как число действующих банков сокращается быстрее.

В результате направленного действия системы страхования вкладов⁹ доля Сбербанка на рынке частных вкладов находилась в противофазе другим структурным показателям (доле в активах и кредитах нефинансовым организациям). Стабилизацию SBER и рост SOBDEPO можно трактовать как нейтрализацию эффекта от введения института ССВ.

⁹ Основной целью системы страхования вкладов было размытие монополии Сбербанка, хотя доверие вкладчиков к частным банкам было и остается низким (Ибрагимова, 2015).

Динамика показателей, отвечающих за результаты банковской деятельности и ее место в экономике страны, была разнонаправленной и не обязательно похожей на динамику структуры. Лишь некоторые из них после 1999 г. показали «перегиб» тренда (см. рис. 2). Причинами могут быть нелинейная связь между двумя группами метрик, запаздывание (лаг) или даже отсутствие взаимосвязи. Ряд показателей был сильнее коррелирован с индексом ВВП, чем со структурными сдвигами в банковском секторе.

Изменение удельного веса государственных банков (SOBAS) оказалось положительно коррелировано с долей кредитных активов в совокупных активах (LTA), склонностью банков заниматься долгосрочным кредитованием (LONGTERM) и значением

Рис. 1. Динамика показателей, характеризующих структурные сдвиги в банковском секторе (описание показателей – см. табл. 1 и 2)

банковских кредитов для финансирования инвестиций в основной капитал (LTINV) и отрицательно коррелировано с рентабельностью капитала банков, кроме Сбербанка (ROENOSBER), долей банков в объеме прибыли, получаемой всеми компаниями страны (PROFIT), и коэффициентом превышения зарплат в финансовом секторе над средними зарплатами в стране (WAGE).

Моя интерпретация эмпирических результатов сводится к следующему.

После 1991 г. власти разрушили централизованную кредитную систему и самоустранились от распределения кредитных ресурсов. Государственный сектор переживал упадок, а частный, наоборот, расцвет. Сотни возникающих организаций назывались банками, но не проявляли интереса к кредитованию, особенно долгосрочному. Во второй половине 1990-х гг. частный банковский капитал контролировал уже $\frac{2}{3}$ всей системы. Финанциализация (развитие финансового сектора) проходила на фоне гибнущих предприятий реального сектора и в значительной мере за счет других отраслей: выросли прибыльность банков и присваиваемая ими доля совокупной прибыли; средние заработные платы в банках росли быстрее, чем в других отраслях.

В 1998 г. случился «провал рынка» – крах основных частных банков, и государство

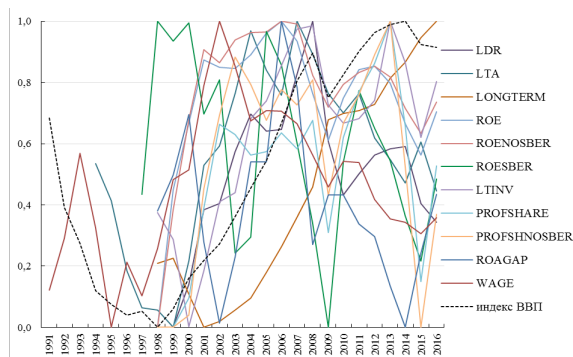

Рис. 2. Динамика показателей, характеризующих режим и направленность функционирования банковского сектора (описание показателей – см. табл. 1 и 2)

возвращается в банковскую сферу не только как регулятор, но и как производитель услуг в качестве контролирующего акционера крупнейших банков и институтов развития. Банки больше занимаются своим непосредственным делом, а именно кредитованием реального сектора, при этом частные кредитные учреждения замещаются государственными. Показатели государственных банков улучшаются, тогда как прибыльность частного банковского капитала падает.

Одни статистические показатели, призванные уловить изменение смысловых правил и норм поведения (институтов), действительно отреагировали на структурные сдвиги, некоторые другие нет. С 2011 г. падала склонность банков заниматься кредитованием реального сектора, в том числе на цели инвестиций в основной капитал. Государственные банки пока воздерживаются от самоограничения своей высокой рыночной власти, прибыли и заработных плат. Они привлекают и размещают ресурсы на финансовом рынке, оценивают риск и возвратность своих кредитных вложений, конкурируют на рынке труда, имеют биржевые котировки своих акций и платят дивиденды акционерам. Основная часть операций банка совершается по решению его менеджеров и направлена на извлечение прибыли. Государственные банки

Показатель	NUM	NUMSOB	SOB	SOBAS	CORESObAS	SOBLOAN	CORESOb- LOAN	SOBDEPO	SBER	
NUM	1,00									
NUMSOB	-0,20	1,00								
SOB	-0,95	0,43	1,00							
SOBAS	-0,97	0,34	0,94	1,00						
CORESObAS	-0,97	0,19	0,92	0,98	1,00					
SOBLOAN	-0,95	-0,04	0,84	0,92	0,94	1,00				
CORESObLOAN	-0,88	0,27	0,89	0,91	0,85	0,77	1,00			
SOBDEPO	0,57	-0,42	-0,56	-0,58	-0,45	-0,42	-0,75	1,00		
SBER	0,86	-0,47	-0,82	-0,88	-0,81	-0,84	-0,92	0,84	1,00	
LDR	-0,13	0,66	0,23	0,21	0,08	-0,31	-0,33	-0,30	-0,54	
LTA	-0,36	0,57	0,13	0,06	-0,05	-0,60	-0,58	-0,09	-0,61	
LONGTERM	-0,95	0,25	0,92	0,98	0,97	0,92	0,92	-0,64	-0,82	
ROE	-0,15	0,07	-0,28	-0,29	-0,33	-0,66	-0,60	0,10	-0,36	
ROENOSBER	-0,19	0,22	-0,17	-0,22	-0,28	-0,78	-0,74	0,16	-0,41	
ROESBER	0,36	-0,56	-0,56	-0,47	-0,43	-0,21	-0,05	0,02	0,47	
LTINV	-0,62	0,53	0,61	0,64	0,55	0,27	0,42	-0,73	-0,85	
PROFIT	-0,38	0,28	0,21	0,34	0,30	-0,12	-0,02	-0,15	-0,64	
PROFITNOSBER	-0,13	0,35	-0,03	0,07	0,00	-0,53	-0,43	-0,05	-0,49	
ROAGAP	0,22	-0,12	-0,27	-0,37	-0,44	-0,39	-0,32	-0,36	0,14	
WAGE	-0,23	-0,03	-0,70	-0,77	-0,78	-0,89	-0,88	0,66	0,16	
GDP	-0,81	0,46	0,85	0,91	0,84	0,81	0,89	-0,81	-0,97	

действуют в России в квазирыночной среде, которая успела сформироваться за последние 25–30 лет и обладает инерцией, тем более что официально провозглашена их трансформация в «нормальные коммерческие банки».

Полагаю, что для выхода из этого «институционального равновесия» требуется изменение системы управления государственным имуществом – долями в капитале банков, в том числе принадлежащими государственным компаниям и корпорациям. Дихотомия в плане двух наборов миссий и приоритетов ведет к недоиспользованию потенциала госбанков и искажает конкурентные отношения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период наблюдений (1991–2016 гг.) был достаточно коротким и охватил лишь две фазы волнообразной динамики, по которой меняется соотношение между институтами рыночной и институтами перераспределительной экономики. В 1999–2000 гг. изменилось направление динамики большинства показателей, описывающих структуру банковского сектора с точки зрения форм собственности. Лишь некоторые из показателей институциональной динамики успели отреагировать на рост государственного сектора: выросли

Таблица 3
Коэффициенты корреляции Пирсона

	LDR	LTA	LONGTERM	ROE	ROENOSBER	ROESBER	LTINV	PROFIT	PROFITNO-SBER	ROAGAP	WAGE	GDP
	1,00											
	0,88	1,00										
	0,07	0,04	1,00									
	0,57	0,75	−0,10	1,00								
	0,68	0,81	−0,07	0,99	1,00							
	−0,43	−0,39	−0,44	−0,12	−0,26	1,00						
	0,76	0,61	0,58	0,35	0,38	−0,42	1,00					
	0,61	0,62	0,27	0,70	0,70	−0,21	0,66	1,00				
	0,72	0,74	0,02	0,75	0,76	−0,23	0,60	0,94	1,00			
	0,03	0,14	−0,27	0,18	0,14	0,33	0,01	−0,25	−0,10	1,00		
	0,14	0,56	−0,72	0,63	0,62	0,17	−0,21	0,24	0,43	0,10	1,00	
	0,54	0,62	0,84	0,38	0,42	−0,44	0,83	0,65	0,48	−0,16	0,10	1,00

склонность банков к долгосрочному кредитованию экономики и доля банковских кредитов в общем объеме инвестиций нефинансового сектора в основной капитал. Снизилась рентабельность капитала банков (без Сбербанка) и соотношение между зарплатами в банковском секторе и средней по стране. В связи с ростом государственных банков идет накопление «инкрементных институциональных изменений» (Норт, 1997), но они еще не составили критической массы, ведущей к качественному скачку («фазовому переходу первого рода») в общей направленности функционирования банковского сектора.

Список литературы

- Ананьич Б.В. Банкирские дома в России 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006.
- Андрюшин С.А. Банковская система России: особенности эволюции и концепция развития. М.: Ин-т экономики РАН, 1998.
- Баранов А.Ю., Малков Е.С., Полищук Л.И., Рохлиц М., Сюняев Г.Р. Измерение институтов в российских регионах: методология, источники данных, анализ // Вопросы экономики. 2015. № 2. С. 69–103.

- Бовыкин В.И., Петров Ю.А. Коммерческие банки Российской империи. М.: Перспектива, 1994.
- Бугров А.В. Очерки по истории казенных банков в России. М.: Научно-технич. центр «КВАН», 2003.
- Верников А.В. Доля государственного участия в банковской системе России // Деньги и кредит. 2009. № 11. С. 4–14.
- Верников А.В., Кирдина С.Г. Эволюция банков в X- и Y-экономиках // Эволюционная экономика и финансы: инновации, конкуренция, экономический рост. М.: Ин-т экономики РАН, 2010. С. 244–278.
- Верников А.В., Мамонов М.Е. Сравнительный анализ эффективности госбанков и частных банков в России: новые расчеты // Деньги и кредит. 2015. № 7. С. 21–32.
- Верников А.В., Мамонов М.Е. Долгосрочное банковское кредитование: какие банки им занимаются и почему? // ЭКО. 2016. № 9. С. 135–150.
- Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки: из истории финансового капитала в России. М.: Госфиниздат, 1948.
- Ибрагимова Д.Х. Динамика доверия финансовым институтам и парадоксы сберегательного поведения населения // Банковское дело. 2015. № 12. С. 27–34.
- Кирдина С., Рубинштейн А., Толмачева И. Некоторые количественные оценки институциональных изменений: опыт исследования российского законодательства // Тетра Eeconomicus. 2010. Т. 8. № 3. С. 8–22.
- Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X–Y-теорию. СПб.; М.: Нестор-История, 2014.
- Клейнер Г.Б. Эффективность мезоэкономических систем переходного периода // Проблемы теории и практики управления. 2002. № 6. С. 24–30.
- Клейнер Г., Петросян Д., Беченов А. Еще раз о роли государства и государственного сектора в экономике // Вопросы экономики. 2004. № 4. С. 25–41.
- Крылова Л.В. Функции банков и банковской системы: теоретический аспект и методы количественной оценки // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2011. № 7 (49). С. 2–8.
- Крылова Л.В., Крылов С.В. Институциональная структура российской банковской системы и направления ее трансформации // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2014. № 40. С. 2–10.
- Маевский В.И. Введение в эволюционную макроэкономику. М.: Япония сегодня, 1997.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и экономические преобразования. М.: Начала-пресс, 1997.
- Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2016 году. М.: Банк России, 2017.
- Полтерович В.М. Стратегии институциональных реформ. Перспективные траектории // Экономика и математические методы. 2006. Т. 42. № 1. С. 3–18.
- Рубинштейн А.Я. К теории рынков «опекаемых благ». Статья I. Опекаемые блага и их место в экономической теории // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 139–152.
- Саломатина С.А. Коммерческие банки в России: динамика и структура операций, 1864–1917 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
- Тулин Д.В. О способах фальсификации банками финансовой отчетности // Деньги и кредит. 2006. № 3. С. 15–20.
- Уразова С.А. Волны реформ и контрреформ банковской системы России в динамике длинных экономических циклов Н.Д. Кондратьева // Финансовые исследования. 2015а. № 3 (48). С. 79–90.
- Уразова С.А. Волны реформ и контрреформ банковской системы России в динамике долгосрочных экономических циклов Н.Д. Кондратьева (продолжение) // Финансовые исследования. 2015б. № 4 (49). С. 103–112.
- Фрейнкман Л.М., Дашкеев В.В., Муфтахетдинова М.Р. Анализ институциональной динамики в странах с переходной экономикой // Научные труды ИЭПП. 2009. № 126.
- Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.
- Berkowitz D., Hoekstra M., Schoors K. Bank privatization, finance, and growth // Journal of Development Economics. 2014. Vol. 110. P. 93–106.
- Bertay A., Demirgüç-Kunt A., Huizinga H. Bank ownership and credit over the business cycle: Is lend-

- ing by state banks less procyclical? // *Journal of Banking and Finance*. 2015. Vol. 50. P. 326–339.
- Bezemer D.* Schumpeter might be right again: The functional differentiation of credit // *Journal of Evolutionary Economics*. 2014. Vol. 24. № 5. P. 935–950.
- Bonin J., Hasan I., Wachtel P.* Bank performance, efficiency and ownership in transition countries // *Journal of Banking and Finance*. 2005. Vol. 29. № 1. P. 31–53.
- Buchanan J., Chai D.H., Deakin S.* Empirical analysis of legal institutions and institutional change: Multiple-methods approaches and their application to corporate governance research // *Journal of Institutional Economics*. 2014. Vol. 10. № 1. P. 1–20.
- Carvalho D.* The real effects of government-owned banks: Evidence from an emerging market // *Journal of Finance*. 2014. Vol. 69. № 2. P. 577–609.
- Chernykh L., Theodossiou A.* Determinants of bank long-term lending behavior: Evidence from Russia // *Multinational Finance Journal*. 2011. Vol. 15. № 3/4. P. 193–216.
- Coleman N., Feler L.* Bank ownership, lending, and local economic performance during the 2008–2009 financial crisis // *Journal of Monetary Economics*. 2015. Vol. 71. № 4. P. 50–66.
- Dinç S.* Politicians and banks: Political influences on government-owned banks in emerging countries // *Journal of Financial Economics*. 2005. Vol. 77. № 2. P. 453–479.
- Dopfer K.* The origins of meso economics // *Journal of Evolutionary Economics*. 2012. Vol. 22. № 1. P. 133–160. doi:10.1007/s00191-011-0218-4
- Fungáčová Z., Herrala R., Weill L.* The influence of bank ownership on credit supply: Evidence from the recent financial crisis // *Emerging Markets Review*. 2013. Vol. 15. № 2. P. 136–147.
- Hardie I., Howarth D.* Market-based banking and the international financial crisis. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Karas A., Schoors K., Weill L.* Are private banks more efficient than public banks? Evidence from Russia // *Economics of Transition*. 2010. Vol. 18. № 1. P. 209–244.
- La Porta R., López-de-Silanes F., Shleifer A.* Government ownership of banks // *Journal of Finance*. 2002. Vol. 57. № 1. P. 265–301.

- Sapienza P.* The effects of government ownership on bank lending // *Journal of Financial Economics*. 2004. Vol. 72. № 2. P. 357–384.
- Vanteeva N., Hickson C.* Gerschenkron revisited: The new corporate Russia // *Journal of Economic Issues*. 2015. Vol. 49. № 4. P. 978–1007.
- Vernikov A.* A guide to Russian bank data: Breaking down the sample of banks // *SSRN Working Paper Series*. 2015. № 2600738. URL: <http://ssrn.com/abstract=2600738>.
- Voigt S.* How (not) to measure institutions // *Journal of Institutional Economics*. 2013. Vol. 9. № 1. P. 1–26.
- Woo-Cumings M.* (ed.) *The Developmental State*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1999.

Рукопись поступила в редакцию 03.07.2017 г.

STRUCTURAL OR INSTITUTIONAL CHANGE?

A. V. Vernikov

Andrei V. Vernikov, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, vernikov@inecon.ru

The paper attempts measuring institutional change as compared to structural change. I take the case of the Russian banking industry in 1991–2016. I put forward a set of metrics featuring the actors broken down by ownership form (state-owned vs. private banks) and the resources that each bank category commands. Another set of metrics features the regime and modality of banking according to certain norms. These latter are quantified via the performance of key banking functions with regard to the rest of the economy, the relevance of banking for the economy and its contribution to social welfare. At the first stage, the communist-era credit system falls apart, and so do coordination mechanisms between monetary and real sectors of the economy. After the 1998 crisis, evolution goes in the direction of greater government involvement in banks and centralized allocation of financial resources. Banks become more committed to their core business of financing the real economy. The performance of state-owned banks improves whereas that of pri-

vately owned banks deteriorates. Structural change has not yet led to a substantially different way of functioning of the banking industry, according to pattern recognition methodology. A state-owned bank acts mainly under the guidance of its management rather than the government, and pursues profitability. The contribution of this paper is that it tackles the interplay between structural and institutional change and tries to quantify both of them in a particular economic sector. *Keywords*: institutional change, structural change, evolutionary analysis, mesoeconomics, banks, Russia, state. *JEL*: B25, G21, G28, H82, P20, P34, P52.

References

- Ananyich B.V. (2006). Banking houses in Russia in 1860–1914. Essays on the history of private entrepreneurship. Moscow, ROSSPAN (in Russian).
- Andryushin S.A. (1998). Russian banking system: Evolution and development concept. Moscow, Institute of Economics RAS (in Russian).
- Baranov A., Malkov E., Polishchuk L., Rochlitz M., Syunyaev G. (2015). How (not) to measure Russian regional institutions. *Voprosi Ekonomiki*, no. 2, pp. 69–103 (in Russian).
- Berkowitz D., Hoekstra M. Schoors K. (2014). Bank privatization, finance, and growth. *Journal of Development Economics*, vol. 110, p. 93–106.
- Bertay A., Demirgüç-Kunt A., Huizinga H. (2015). Bank ownership and credit over the business cycle: Is lending by state banks less procyclical? *Journal of Banking and Finance*, vol. 50, p. 326–339.
- Bezemer D. (2014). Schumpeter might be right again: The functional differentiation of credit. *Journal of Evolutionary Economics*, vol. 24, no. 5, pp. 935–950.
- Bonin J., Hasan I., Wachtel P. (2005). Bank performance, efficiency and ownership in transition countries. *Journal of Banking and Finance*, vol. 29, no. 1, pp. 31–53.
- Bovykin V.I., Petrov Yu A. (1994). Commercial banks of the Russian Empire. Moscow, Perspektiva (in Russian).
- Buchanan J., Chai D.H., Deakin S. (2014). Empirical analysis of legal institutions and institutional change: Multiple-methods approaches and their application to corporate governance research. *Journal of Institutional Economics*, vol. 10, no. 1, pp. 1–20.
- Bugrov A.V. (2003). Essays on the history of Government Banks in Russia. Moscow, KVAN (in Russian).
- Carvalho D. (2014). The real effects of government-owned banks: Evidence from an emerging market. *Journal of Finance*, vol. 69, no. 2, pp. 577–609.
- CBR (2017). Banking supervision report, 2016. Moscow, Central Bank of Russia (in Russian).
- Chernykh L., Theodossiou A. (2011). Determinants of bank long-term lending behavior: Evidence from Russia. *Multinational Finance Journal*, vol. 15, no. 3/4, pp. 193–216.
- Coleman N., Feler L. (2015). Bank ownership, lending, and local economic performance during the 2008–2009 financial crisis. *Journal of Monetary Economics*, vol. 71, no. 4, pp. 50–66.
- Dinç S. (2005). Politicians and banks: Political influences on government-owned banks in emerging countries. *Journal of Financial Economics*, vol. 77, no. 2, pp. 453–479.
- Dopfer K. (2012). The origins of mesoeconomics. *Journal of Evolutionary Economics*, vol. 22, no. 1, pp. 133–160. doi:10.1007/s00191-011-0218-4.
- Freinkman L., Dashkeev V., Muftiahetdinova M. (2009). Analysis of institutional dynamics in the economies in transition. IET Working Papers, no. 126. Moscow, Gaydar Institute (in Russian).
- Fungáčová Z., Herrala R., Weill L. (2013). The influence of bank ownership on credit supply: Evidence from the recent financial crisis. *Emerging Markets Review*, vol. 15, no. 2, pp. 136–147.
- Gindin I.F. (1948). Russian Commercial Banks: From the history of financial capital in Russia. Moscow, GosFinIzdat (in Russian).
- Hardie I., Howarth D. (2013). Market-based banking and the international financial crisis. Oxford, Oxford University Press.
- Ibragimova D.Kh. (2015). Evolution of trust to financial institutions and the paradox and household saving behaviour. *Bankovskoye Delo*, no. 12, pp. 27–34 (in Russian).
- Karas A., Schoors K., Weill L. (2010). Are private banks more efficient than public banks? Evidence from Russia. *Economics of Transition*. 2010, vol. 18, no. 1, pp. 209–244.

- Kirdina S., Rubinstein A., Tolmacheva I. (2010). Some quantitative assessment of institutional change: The case of the Russian legislation study. *Terra Economicus*, vol. 8, no. 3, pp. 8–22 (in Russian).
- Kirdina S.G. (2014). Institutional Matrices and the development of Russia: An introduction to X-Y–Theory. St.-Pet.; Moscow, Nestor-Istoria (in Russian).
- Kleiner G.B. (2002). The efficiency of transitional meso-economic systems. *Problemy Teorii i Praktiki Upravleniya*, no. 6, pp. 24–30 (in Russian).
- Kleiner G., Petryan D., Bechenov A. (2004). The role of the state and public sector in the economy: Revisited. *Voprosi Ekonomiki*, no. 4, pp. 25–41 (in Russian).
- Krylova L.V. (2011). The functions of banks and banking system: Theoretical aspect and quantification methods. *Finansovaya Analitika: Problemy i Resheniya*, no. 7(49), pp. 2–8 (in Russian).
- Krylova L.V., Krylov S.V. (2014). Institutional structure of the Russian banking system and the direction of its transformation. *Finansovaya Analitika: Problemy i Resheniya*, no. 40, pp. 2–10 (in Russian).
- La Porta R., López-de-Silanes F., Shleifer A. (2002). Government ownership of banks. *Journal of Finance*, vol. 57, no. 1, pp. 265–301.
- Mayevsky V.I. (1997). An introduction to evolutionary macroeconomics. Moscow, Yaponia Segodnya (in Russian).
- North D. (1997). Institutions, institutional change and economic performance. Moscow, Nachala-Press (in Russian).
- Polterovich V.M. (2006). Institutional reform strategies: Promising trajectories. *Economics and Math. Methods*, vol. 42, no. 1, pp. 3–18 (in Russian).
- Rubinstein A.Ya. (2009). The theory of patronized goods. Article 1. Patronized goods and their place in economic theory. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*, no. 1, pp. 139–152 (in Russian).
- Salomatina S.A. (2004). Commercial Banks in Russia: The dynamics and structure of operations, 1864–1917. Moscow, ROSSPAN (in Russian).
- Sapienza P. (2004). The effects of government ownership on bank lending. *Journal of Financial Economics*, vol. 72, no. 2, pp. 357–384.
- Schumpeter J.A. (1982). The theory of economic development. Moscow, Progress (in Russian).
- Tulin D.V. (2006). How banks falsify their financial reports. *Dengi i Kredit*, no. 3, pp. 15–20 (in Russian).
- Urazova S.A. (2015a). Wave of reforms and counter Russian banking system in the dynamics of long-term economic cycle ND Kondratiev. *Finansovye Issledovaniya*, no. 3 (48), pp. 79–90 (in Russian).
- Urazova S.A. (2015b). Wave of reforms and counter Russian banking system in the dynamics of long-term economic cycle ND Kondratiev (continued). *Finansovye Issledovaniya*, no. 4 (49), pp. 103–112 (in Russian).
- Vanteeva N., Hickson C. (2015). Gerschenkron revisited: The new corporate Russia. *Journal of Economic Issues*, vol. 49, no. 4, pp. 978–1007.
- Vernikov A.V. (2009). Assessing government participation in the Russian banking system. *Dengi i Kredit*, no. 11, pp. 4–14 (in Russian).
- Vernikov A.V., Kirdina S.G. (2010). Evolution of banks in X-economies and Y-economies. Evolutionary economics and finance: Innovation, competition, and economic growth. Moscow, Institute of Economics RAS, pp. 244–278 (in Russian).
- Vernikov A.V., Mamonov M.E. (2015). Comparative efficiency analysis of state-controlled and private banks in Russia: New empirical evidence. *Dengi i Kredit*, no. 7, pp. 21–32 (in Russian).
- Vernikov A. (2015). A guide to Russian bank data: Breaking down the sample of banks. SSRN Working Paper Series, no. 2600738. URL: <http://ssrn.com/abstract=2600738>.
- Vernikov A.V., Mamonov M.E. (2016). Long-term bank lending in Russia: Which banks lend more and why? *EKO*, no. 9, pp. 135–150 (in Russian).
- Voigt S. (2013). How (not) to measure institutions. *Journal of Institutional Economics*, vol. 9, no. 1, pp. 1–26.
- Woo-Cumings M. (ed.) (1999). The developmental state. Ithaca; London, Cornell University Press.

Manuscript received 03.07.2017